

УДК 347.2

Е.В. Булатов,

канд. юрид. наук,

доцент Донецкого государственного
университета управления

ПРОБЛЕМЫ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ С УЧАСТИЕМ ГРАЖДАН

Несмотря на то, что согласно Хозяйственному кодексу Украины хозяйственно-договорные обязательства признаются гражданско-правовыми и регулируются отдельными положениями Гражданского кодекса Украины (ч. 1 ст. 179, ч. 1 ст. 175 ХК), ответственность за их нарушение нормами последнего регламентироваться не может. Данный вывод следует из того очевидного факта, что хозяйственно-правовая ответственность, предусмотренная ХК Украины, и включающая, в частности, ответственность за нарушение хозяйственно-договорных обязательств, является самостоятельным видом юридической ответственности, который хотя и не упомянут в Конституции Украины, получил теперь легальное признание. Вместе с тем внедоговорная имущественная ответственность, проявляющаяся в хозяйственных обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда (ст. 174 ХК), судя по формулировкам ХК, рамками хозяйственно-правовой ответственности не охватывается, а значит, должна регламентироваться нормами главы 82 ГК. Таким образом, в настоящее время режим внедоговорной имущественной ответственности не зависит от субъектного состава участников правоотношений, подчиняясь соответствующим предписаниям ГК Украины, тогда как правовое регулирование договорной имущественной ответственности дифференцировано в зависимости от субъектного состава участников правоотношений.

Специфика договорной имущественной ответственности в обязательствах с участием граждан отражена прежде всего в главе 51 ГК Украины, содержание которой далеко безупречно. Ряд основополагающих норм этой главы, на наш взгляд, имеет существенные недостатки, которые могут негативно сказаться на практике их применения. Привлекают к себе внимание и явные пробелы, допущенные законодателем в этой главе, особенно применительно к защите интересов граждан — потребителей.

Среди современных научных работ, посвященных проблемам гражданско-правовой ответственности, большую часть составляют публикации, касающиеся ответственности за нарушение отдельных видов обязательств. Общим же вопросам договор-

ной имущественной ответственности в отечественной цивилистике уделяется не слишком много внимания, более пристально эти вопросы исследуются сейчас представителями отечественной хозяйственно-правовой науки. Из работ цивилистов в данном контексте можно выделить статьи В. Д. Примака [1, 2] и Л. М. Барановой [3], в которых получили освещение некоторые проблемные аспекты договорной гражданско-правовой ответственности безотносительно к отдельным видам обязательств. В настоящей статье будет предпринята попытка более глубокого рассмотрения проблематики, затронутой упомянутыми авторами.

Целью статьи является анализ действующего законодательства, регламентирующего основы гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств, направленный на выявление несовершенных юридических конструкций, а также определение мер по устранению выявленных дефектов.

Поскольку общая проблематика гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств весьма обширна, мы остановимся лишь на некоторых наиболее важных моментах, представляющих научный интерес и имеющих практическую значимость.

Во-первых, обращает на себя внимание то обстоятельство, что новый ГК Украины достаточно слабо применительно к отношениям, связанным с договорной ответственностью, защищает интересы граждан-потребителей. Так, в силу ч. 3 ст. 6 ГК стороны гражданско-правового договора вправе договориться об освобождении стороны, нарушившей обязательство, от ответственности полностью или в какой-либо части. Понятно, что в отношениях с гражданином — потребителем субъект хозяйствования, будучи более сильной стороной, используя указанное право, может необоснованно ограничить свою ответственность. Отмеченная возможность субъекта хозяйствования (производителя, продавца, исполнителя) частично блокируется ч. 3 ст. 614 ГК (предусматривающей, что сделка, отменяющая либо ограничивающая ответственность за умышленное нарушение обязательства, является ничтожной), а также п. 2 ч. 3 ст. 18 Закона Украины «О защите прав

© Е.В. Булатов, 2007

потребителей» [4] (устанавливающим запрет на включение в договоры с потребителем условий, ограничивающих его права относительно продавца (исполнителя, производителя) в случае нарушения последним своих договорных обязательств), однако не исключается полностью. Поэтому представляется целесообразным закрепить непосредственно в ГК Украины правовую норму, предусматривающую ничтожность соглашения об ограничении размера ответственности должника по договору, в котором кредитором является гражданин — потребитель, если размер ответственности за данное нарушение определен законом. Кстати, аналогичное по своей сути правило содержится в ч. 3 ст. 216 ХК Украины, где оно сформулировано как один из принципов хозяйственно-правовой ответственности.

Невнимание разработчиков ГК Украины к интересам граждан-потребителей проявляется также и в том, что принцип ответственности за вину имеет в ГК универсальный характер, т. е. по общему правилу применяется при возложении ответственности независимо от субъекта и сферы нарушения гражданских отношений. Однако мировая практика правового регулирования исходит из того, что субъекты предпринимательства, поскольку их деятельность строится на началах риска, должны нести несколько более высокую ответственность на нарушение обязательств, нежели другие субъекты [5, с. 529]. В ХК Украины данный подход, как известно, нашел свое отражение применительно ко всем субъектам хозяйствования, но ведь последние отвечают независимо от вины только в случае нарушения хозяйственного обязательства. То есть такая ответственность не распространяется на те обязательства, в которых субъекту хозяйствования противостоит физическое лицо, не являющееся предпринимателем, поскольку такие обязательства не признаются хозяйственными (ч. 3 ст. 175 ХК). Следовательно, применительно к обязательствам между субъектами предпринимательства и гражданами — потребителями есть необходимость предусмотреть в ГК Украины конструкцию ответственности субъекта предпринимательства (субъекта хозяйствования) независимо от вины.

Для отдельных видов договорных обязательств ответственность независимо от вины предусмотрена специальными нормами ГК (ст. 906, ч. 2 ст. 950, ст. 1043) и Закона Украины «О защите прав потребителей» (п. 14 ст. 8, п. 6 ст. 10), но это лишь подтверждает целесообразность введения в ГК общей нормы, расширяющей ответственность предпринимателей в правоотношениях с участием граждан-потребителей до границ непреодолимой силы.

Следующий момент, на который хотелось бы обратить внимание, это новое нетрадиционное для отечественной правовой системы определение не-

преодолимой силы как основания освобождения от гражданско-правовой ответственности. В п. 1 ч. 1 ст. 263 ГК Украины непреодолимая сила определена как чрезвычайное или неотвратимое при данных условиях событие. Такой подход к рассматриваемому понятию существенно отличается от прежнего подхода, предполагающего, что непреодолимая сила характеризуется двумя признаками — чрезвычайностью и неотвратимостью (ст. 78 ГК 1963 г.). Новый ГК исходит из того, что непреодолимая сила будет иметь место при наличии хотя бы одного из названных признаков, а это значительно расширяет круг социально-правовых явлений, подпадающих под определение непреодолимой силы.

В принципе, с таким широким пониманием непреодолимой силы в сфере действия ГК можно было бы согласиться (в ХК сохранен прежний традиционный подход к понятию непреодолимой силы) если бы ни одно «но». Действительно, признак неотвратимости характерен для многих обстоятельств, которым не присущ признак чрезвычайности и которые вполне допустимо относить к непреодолимой силе (например, неблагоприятные метеорологические условия для авиационного перевозчика, действия органов государственной власти, не вызванные какими-либо чрезвычайными обстоятельствами). Однако наличие признака чрезвычайности при отсутствии признака неотвратимости, думается, нельзя рассматривать как проявление непреодолимой силы по той простой причине, что в этой ситуации чрезвычайное обстоятельство является объективно предотвратимым. Если же такое чрезвычайное обстоятельство было непредвиденным и в силу этого субъективно непредотвратимым — налицо простой случай, а не непреодолимая сила. Таким образом, представляется, что определять непреодолимую силу в ГК, в отличие от ХК, следует через один единственный признак — объективную неотвратимость при данных условиях.

Определенный интерес представляет вопрос о соотношении мер гражданско-правовой ответственности и исполнения обязательства в натуре. Новый ГК Украины также как и ГК 1963 г. исходит из принципа реального исполнения обязательств, закрепляя в качестве общего правила положение о том, что должник, уплативший неустойку и возместивший убытки, причиненные нарушением обязательства, не освобождается от исполнения этого обязательства в натуре (ч. 1 ст. 622 ГК). В современной юридической литературе этот принцип не без оснований подвергается критике [2, с. 290; 6, с. 293], однако полностью отказаться от него по примеру стран общего права, думается, было бы слишком радикальным шагом.

Следует учитывать, что согласно отечественному законодательству действие названного принци-

па в ряде случаев ограничено специальными нормами. Например, как следует из ст. 621 ГК, кредитор не вправе потребовать от должника реального исполнения обязательства, связанного с выполнением работы или оказанием услуги; реальное исполнение в этом случае возможно лишь силами самого кредитора или привлеченных им третьих лиц, но, разумеется, за счет должника, который обязан возместить кредитору все понесенные убытки. Указанное правило представляется абсолютно логичным и обоснованным, поэтому вызывает недоумение тот факт, что оно не нашло отражения в Законе Украины «О защите прав потребителей», который применительно к выполнению работ и оказанию услуг для граждан — потребителей, вопреки здравому смыслу, предусматривает принцип реального исполнения в чистом виде (ч. 5 ст. 10 названного закона [4]). Не должен, по нашему мнению, применяться принцип реального исполнения и в обязательствах, связанных с передачей должником вещей, определенных родовыми признаками (в этом случае кредитор вправе потребовать от должника лишь возмещения убытков). Последний тезис, однако, необходимо прямо закрепить в ГК Украины, поскольку в отличие от ст. 208 ГК 1963 г., из содержания которой он логически вытекал, действующий ГК дает основания и для противоположного вывода [5, с. 558]. Зато для обязательств по передаче вещей, определенных индивидуальными признаками, ценность принципа реального исполнения несомненна. Правда, и в этом случае кредитор должен иметь возможность вместо передачи вещи требовать возмещение убытков, что целесообразно предусмотреть в ст. 620 ГК.

Следующая проблема, на которую необходимо обратить внимание, это штрафной характер неустойки, предусмотренный в качестве общего правила ч. 1 ст. 624 ГК Украины. Такая позиция нашего законодателя явно не согласуется с одним из классических признаков гражданско-правовой ответственности, предполагающим, что пределы таковой определяются ее компенсационным характером и вследствие этого необходимостью эквивалентного возмещения потерпевшему причиненного ему вреда или убытков, ибо конечная цель применения гражданско-правовой ответственности состоит в восстановлении имущественной сферы потерпевшей стороны [6, с. 287]. В отечественной научной литературе уже обращалось внимание на указанное обстоятельство и подчеркивалась практическая неоправданность желания законодателя придать договорной ответственности некий карательный характер, что противоречит основополагающим началам частно-правового регулирования ответственности участников гражданского оборо-

та [2, с. 294]. В данной связи вызывают недоумение высказывания отдельных авторов, полагающих, что штрафная неустойка «в наибольшей мере соответствует признакам гражданско-правовой ответственности, в частности, ее характеристике как дополнительного имущественного обременения должника при невыполнении (ненадлежащем выполнении) им своих обязанностей» [3, с. 561].

Поэтому с целью недопущения отступления от принципа поддержания эквивалентности имущественного оборота и исключения возможности обогащения кредитора, вследствие применения мер ответственности, в ГК Украины необходимо восстановить общее правило о зачетном характере неустойки по отношению к убыткам. Напомним, что в ХК Украины реализован именно такой подход (ч. 1 ст. 232 ХК).

Наконец, следует остановиться на ответственности за нарушение денежных обязательств. Как известно, в ч. 1 ст. 625 ГК Украины воспроизведена норма, содержащаяся в ст. 212 ГК 1963 г., предусматривающая, что должник не освобождается от ответственности за невозможность исполнения им денежного обязательства. Оправдано ли наличие в ГК столь категоричной правовой нормы, полностью исключающей возможность освобождения должника от ответственности за нарушение денежного обязательства (не только при простом случае, но и при наличии непреодолимой силы)? Думается, что какие-либо разумные основания для такого положения дел отсутствуют. На наш взгляд, заимствование указанной нормы из ГК 1963 г. является досадным недоразумением, тем более, что в последнем (суля по месту ее расположения) она имела несколько иной смысл, а именно, закрепляла невозможность должника уклониться от исполнения денежного обязательства в натуре, т. е. по существу конкретизировала принцип реального исполнения применительно к денежным обязательствам. Безусловно, термин «ответственность» в ст. 212 ГК 1963 г. был применен ошибочно и не отражал суть явления, однако теперь эта ошибка воспроизведена в действующем ГК Украины. Таким образом, представляется, что ч. 1 ст. 625 ГК необходимо исключить, и тогда ответственность за нарушения денежных обязательств в виде уплаты трех процентов годовых, как того и требует логика, будет наступать на общих основаниях, т. е. при наличии вины должника.

Вопрос об основании ответственности за нарушение денежных обязательств напрямую связан с вопросом о юридической природе процентов, уплачиваемых должником за просрочку исполнения таких обязательств. Как известно, в юридической науке существуют весьма различные точки зрения относительно правовой природы указанных процен-

тов. Одни ученые считают эти проценты законной неустойкой [7, с. 79], другие — относят их к разновидности убытков [8, с. 563–565], третьи — рассматривают их как самостоятельную форму гражданско-правовой ответственности [9, с. 68], наконец есть и такие авторы, которые квалифицируют проценты как плату за пользование чужими денежными средствами [10, с. 456–457]. На наш взгляд, наиболее убедительной является первая точка зрения. Не вдаваясь в подробное обоснование, можно отметить, что в ее пользу свидетельствует хотя бы тот факт, что в ХК Украины аналогичные проценты прямо отнесены к штрафным санкциям, т. е. по существу признаются неустойкой (ч. 6 ст. 231 ХК). В любом случае большинство приведенных позиций (все, кроме последней) исходит из того, что проценты за просрочку исполнения денежного обязательства выступают в качестве меры ответственности, а значит при применении данной санкции необходимо руководствоваться общими условиями гражданско-правовой ответственности.

Выводы. Таким образом, анализ действующего законодательства, определяющего основы гражданско-правовой ответственности, показывает, что в ГК Украины следует дифференцировано подходить к регламентации договорной имущественной ответственности в обязательствах между гражданами, с одной стороны, и обязательствах между гражданами и юридическими лицами, с другой стороны. Вторая группа обязательств, особенно те из них, где граждане выступают в качестве потребителей, требует особого внимания законодателя. В отношении правового регулирования обязательств этой группы ГК Украины необходимо в значительной мере опираться на соответствующие правовые конструкции, содержащиеся в Хозяйственном кодексе, которые представляются более удачными для указанных правоотношений.

Литература

1. Примак В. Визначення вини як умови цивільно-правової відповідальності // Право України. — 2002. — № 10. — С. 115–117.
2. Примак В. Д. Проблеми інституту цивільно-правової відповідальності у системі положень нового Цивільного кодексу України // Методологія приватного права: Зб. наук. пр. / Редкол.: О. Д. Крупчан та ін. — К., 2003. — С. 287–295.
3. Баранова Л. М. Цивільно-правова відповідальність: порівняльний аналіз положень Цивільного кодексу України і Цивільного кодексу Російської Федерації // Еволюція цивільного законодавства: проблеми теорії і практики: Матеріали міжнародної наук.-практ. конф. — К., 2004. — С. 556–562.
4. О защите прав потребителей: Закон Украины от 01.12.2005 г. // Голос України. — 2006. — 13 января (№ 6).
5. Науково-практичний коментар до цивільного законодавства України В 4 т. / А. Г. Ярема, В. Я. Карабань, В. В. Кривенко, В. Г. Ротань. — Т. 2. — Київ: Севастополь, 2004. — 864 с.
6. Баранова Е. В. Понятие, виды и формы гражданско-правовой ответственности за нарушение договорного обязательства // Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Вып. 6 / Под ред. О. Ю. Шиловостова. — М., 2003. — С. 274–310.
7. Попов А. Ответственность за неисполнение денежного обязательства // Хозяйство и право. — 1997. — № 8. — С. 73–85.
8. Гражданское право: Учебник: В 3 ч. / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — Ч. 1. — М., 1998. — 632 с.
9. Витрянский В. Проценты по денежному обязательству как форма ответственности // Хозяйство и право. — 1997. — № 8. — С. 54–73.
10. Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. Е. А. Суханов. — Т. 1. — М., 1998. — 816 с.

Представлена в редакцию 27.03.2007 г.